

Пролог

Джейн проснулась и прошептала:

— Джули?

Вокруг зиял, будто зевающая пасть, черный провал спальни. Только спустя два года после того, как Джейн получила собственную комнату в новом семейном доме, ей перестало сниться, что потолочный вентилятор падает на нее и разрубает на куски. Да и пауки больше не таились по углам: десятилетним девочкам не пристало бояться темноты. Лишь изредка, когда что-нибудь будило Джейн посреди ночи, окружающая тишина вызывала тоску по мягкому дыханию сестры. В старом доме Джейн частенько перекидывала одну ногу через перила кровати на своем втором ярусе и хихикала, пока Джули не говорила: «Ш-ш-ш, Джейни, давай-ка спи».

Девочка крепко зажмурилась, прежде чем посмотреть туда, где во мраке сходились стены и потолок. Теперь она определенно слышала шорох, который донесся из комнаты Джули.

Джейн откинула одеяло и опустила босые ноги на ковер. Раньше, в старом доме, плетеный коврик скользил по гладкому деревянному полу, когда она вставала с постели. А сейчас ноги едва

слышно ступали по толстому ковру, пока она шла к выходу из комнаты. Девочка выглянула в темный коридор. В конце его во мраке бледнел едва различимый прямоугольник закрытой двери.

Они редко спали с закрытыми дверями: у Джейни было слишком жарко, а у Джули — слишком холодно. Мама ворчала по поводу отвратительной циркуляции воздуха в двухэтажных коттеджах, но спальня родителей на первом этаже всегда закрывалась на ночь, потому что они были взрослыми. Теперь и Джули взрослая, ну или ей просто очень хочется такой стать. С тех пор, как сестре исполнилось тринадцать, она, казалось, все время готовилась к взрослой жизни: медленно расчесывала волосы перед зеркалом в ванной, словно репетируя какую-то тайную пьесу; делала записи в дневнике, чинно сидя за письменным столом, а не плюхнувшись на кровать животом, как Джейн. И закрывала дверь своей комнаты.

Между тем бледный прямоугольник в конце коридора дрогнул, и с одной стороны появилась темная щель. Четыре крупных пальца легли на край отворившейся двери спальни Джули. Не раздумывая, Джейн нырнула в шкаф, присела на корточки и закрыла за собой дверцу. Эти пальцы держались за дверь слишком высоко, Джули не достала бы. И были слишком велики — точно не мамины. Да и не папины тоже, хотя Джейн сама не знала, почему так решила, и это больше всего тревожило ее.

Слабый щелчок напомнил ей, что магнитная защелка шкафа всегда плохо работает, и девочку охватило тошнотворный страх. Она протянула руку, пытаясь придержать дверцу, но та уже медленно распахнулась.

Джейн крепко зажмурилась, когда в коридоре послышались мягкие шаги.

Мгновение спустя она открыла глаза: дверца шкафа замерла в трех дюймах от косяка. Та часть коридора, которая просматривалась из укрытия Джейн, казалась светлой по сравнению с глубокой темнотой шкафа. Девочка могла различить каждую ворсинку бежевого ковра, каждую неровность на окрашенных стенах и студийный портрет в рамке: она сидит на коленях у Джули, наряженная в детское платьице с корабликом, который покачивается на вышитых волнах. Это было так давно... Все остальное вдруг тоже закачалось. Шаги приближались к комнате Джейн.

Застонала скрипучая половица. Владелец руки был уже на полпути к ее спальне. А вдруг он услышит, что Джейн прячется в шкафу? Ведь сердце у нее так колотится, что даже маленький кораблик на портрете, кажется, подпрыгивает. Джейн мечтала затеряться среди одежды, висящей на дребезжащих вешалках.

В этот момент на ковре появилась узкая ступня с пятнышками розового лака на ногте большого пальца, и Джейн вздохнула с облегчением. Джули покрасила ногти еще накануне вечеринки по случаю дня рождения, но к середине лета большая часть лака стерлась о шершавое белое

дно бассейна на заднем дворе, остались только маленькие уголки по краям. Значит, Джейн ошиблась насчет пальцев: ей опять примерещилось нечто вроде пауков в темных углах.

И действительно, в прямоугольнике дверного проема появилась Джули в ночной рубашке с Микки-Маусом. Она направлялась к лестнице возле комнаты Джейн, вероятно собираясь перехватить посреди ночи чего-нибудь вкусенького. Такая же ночная рубашка Джейн, только с Дональдом Даком, лежала в коричневой сумке, ожидая отправки в секонд-хенд, поскольку девочка уже выросла из нее. Мама часто говорила, что когда-нибудь Джейн перерастет старшую сестру. Девочка с облегчением обняла колени в приятно обволакивающей фланелевой пижаме.

И вдруг пальцы появились снова. На этот раз они лежали на плече Джули, вцепившись в ткань ее ночной рубашки; между их узловатыми костяшками струились длинные светлые волосы сестры. Только теперь Джейн заметила, какая у Джули напряженная поза, как похожа сейчас сестра на щенка с широко раскрытыми от ужаса глазами. А затем увидела высокого мужчину, следующего за Джули по пятам. Сестра и незнакомец двигались медленно, и его длинная волосатая рука казалась цепью, связывающей их друг с другом.

«Проснись, проснись, проснись!» — мысленно приказала себе Джейн, но ничего не изменилось. Все вокруг, включая ее саму, будто застыло, словно в кошмаре. Только Джули и мужчина продолжали двигаться. Пусть медленно, как сомнамбулы,

но все же они почти добрались до ее комнаты. Джейн открыла рот, чтобы закричать.

И тут Джули заметила ее.

Крик Джейн, не успев соскользнуть с губ, замер в горле, когда Джули уставилась прямо в глубину потайного убежища в шкафу. В ответ Джейн тоже впиалась взглядом в сестру, безмолвно умоляя подсказать, как ей следует поступить — заорать, заплакать или засмеяться, если это всего лишь шутка. Конечно, Джули не бросит ее одну посреди кошмара. Джейн пообещала себе: если Джули сейчас объяснит ей, что делать, впредь она всегда будет слушаться сестру и больше не станет ябедничать.

Не поворачивая головы, Джули подняла брови и многозначительно покосилась на мужчину позади, затем снова перевела взгляд на Джейн, как бы приглашая взглянуть куда-то ей за спину, но младшая сестра не могла оторвать взгляд от старшей. Странная пара повернула на лестничную площадку, не задерживаясь у спальни Джейн, и вдруг девочка поняла, почему Джули так напряжена: незнакомец приставил ей к спине острый конец длинного ножа. Джейн почувствовала неприятное жжение между лопатками, как от укуса насекомого, и глаза у нее наполнились слезами.

Девочка и мужчина уже шагнули на верхнюю ступеньку лестницы, когда с чердака донесся громкий скрип. Джейн знала, что это обычные звуки и шорохи дома, но незнакомец замер и нервно оглянулся через плечо. За долю секунды до этого Джули, словно очнувшись от чар, повернула

голову к сестре и, призывая к тишине, поднесла указательный палец левой руки к губам, сложив их в безмолвный овал.

«Ш-ш-ш».

Джейн повиновалась, а Джули начала спускаться по лестнице в сопровождении мужчины с ножом.

Такова, по словам единственного свидетеля, история о том, как я потеряла свою дочь — вернее, обеих дочерей, потеряла абсолютно всё, — за одну ночь.

1

Джули нет с нами уже восемь лет, но мне кажется, что прошли столетия. Я выхожу на улицу: пора ехать, чтобы провести последние в этом весеннем семестре занятия. Середина мая в Хьюстоне горяча, как воспаленное дыхание больного. Не успеваю я запереть за собой дверь, как начинаю потеть, одежда прилипает к телу; еще пять шагов до гаража — и влага сочится из каждой поры кожи. Когда я усаживаюсь во внедорожник, пальцы, сжимающие пластиковый стаканчик, соскальзывают, кофе расплескивается, и маслянистые темные брызги попадают на сиденье. Несколько капель угодили и на руку, но я позволяю им высохнуть, включив кондиционер. Лето с каждым годом наступает все раньше.

Я выезжаю задним ходом за шлагбаум, который мы установили на подъездной аллее уже после того, как стало слишком поздно, пробираюсь по нашему микрорайону к основной дороге, а затем вливаюсь в поток машин на шоссе, вдоль которого тянутся массивные пандусы, похожие на ребристые хвосты динозавров.

Восемь утра — час пик, и город с его переполненными дорогами напоминает сейчас огромное

сердце с забитыми артериями. Я тащусь в пробке; парализованы все четырнадцать полос, передо мной привычный пейзаж: бесконечные капоты автомобилей и задние фары, слабо мигающие красным в тусклом утреннем свете.

Мне больше нравится смотреть на машины сверху, поэтому мой экономичный «приус» томится в гараже, а я каждый день езжу в университет и обратно на громадном черном «ренджровере» мужа (все равно Том не пользуется им) по трем разным автострадам. Передвигаясь со скоростью улитки, я могу забыть о других автомобилистах и сосредоточиться на выщербленных буквах, установленных на бетонных козырьках торговых центров: «Всё за доллар», «Мир картриджей», «Первая парикмахерская». Неоново-розовый оскал мексиканского ресторана, желто-голубое чудовище «ИКЕА», возвышающееся за платной дорогой, желтушный кирпич новостроек, едва скрытых от автострады неровной линией кустов индейской сирени, — все напоминает о том, что самое страшное в моей жизни уже случилось. Я перебираю знакомые виды, как моя мать перебирала четки.

...Радуйся, госпожа автомойка, полная благодати, Господь с тобою! Молись за нас, о «Быстрая печать»! Владычица наша камера хранения, спаси, к тебе обращаем мы взоры!..

А вот билборды с изображением Джули исчезли. Когда-то здесь, на пересечении шоссе I-10 и кольцевой развязки 610, возле вон той жилой высотки, стоял щит с ее фотографией, втиснутый между баптистской церковью и бетонной

эстакадой, но пять лет назад попечители фонда решили, что портреты Джули пора снять. Или это было еще раньше? Думаю, дело в деньгах, хотя я не имею ни малейшего представления, сколько стоит рекламное место на щитах: фондом Джули занимался исключительно Том. Теперь с этого билборда сияет гигантская белозубая улыбка пастора мегацеркви¹, а рядом призыв: «Не теряй веру в повседневной суете!» Интересно, плакат наклеили прямо на лицо Джули или сначала содрали ее изображение лоскутами? Нелепая мысль. На этом щите с тех пор что только не рекламировали. Услуги дантиста, реверсивную вазэктомию.

Строчки из стихотворения Вордсворта, заданного к сегодняшнему уроку, застряли в голове, словно дурная шутка: «Ужель видений свет сошел на нет?/И где они сейчас — мечта и славы свет?»²

Я щелкаю поворотником и съезжаю на кольцевую. Скоро я войду в аудиторию, где на меня устремятся десятки требовательных взглядов студентов. Я планирую преподавать до тех пор, пока университет оставляет за мной место, хотя у меня давно нет научных публикаций, я не состою ни в каких комитетах да и вообще ни в чем не проявляю инициативы. Все силы уходят на то, чтобы каждое утро заставить себя подняться с постели и встретиться с равнодушным миром, где самое

¹ Отделения протестантской церкви с многотысячным количеством прихожан, устроенные по принципу бизнес-корпораций. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Строки из стихотворения У. Вордсворта «Откровения о бессмертии» (пер. Я. Пробштейна).

страшное, что могло случиться, уже случилось, а я почему-то по-прежнему жива. Я немало времени потратила на изучение поэзии Вордсворта и сейчас еду, чтобы с пиететом вещать о его творчестве, — но я не верю в славу и мечту. Я верю в статистику.

Статистика свидетельствует, что детей чаще всего похищают знакомые, однако Джули забрал чужак. Статистика утверждает, что почти все похитители пытаются заманить жертву в автомобиль, — Джули увели из собственной спальни, угрожая ножом, посреди ночи, в то время как другая моя дочь, Джейн, наблюдала за происходящим из шкафа. И наконец, согласно неумолимой статистике, три четверти украденных детей умирают в течение первых трех часов после похищения. Три часа — примерно столько Джейн просидела в шкафу, оцепенев от страха, прежде чем разбудить нас с Томом паническим воплем.

Таким образом, к тому времени, как мы узнали об исчезновении Джули, ее судьба уже была предопределена. Неизбежность ее смерти расплзлась как инфекция, как запах бензина. Пытаясь свыкнуться с тем, что Джули больше нет, я говорю себе, что ее не было и до того, как она родилась; не было и до моего рождения. И до рождения Вордсворта. Проезжая Мемориальный парк с его высокими соснами, я представляю, как она смотрит вверх невидящими глазами, укрытая одеялом из рыжевато-золотистых игл. Минуя квартал Крествью-апартаментс, я вижу, как она покоится на ложе из азалий. У торгового центра с маникюрным

салонем и спа «Санрэй» я не могу оторвать взгляд от мусорного контейнера. Таковы мои большие фантазии.

Когда-то я хотела подарить Джули целый мир. Теперь я хочу одного: возможности ее похоронить.

Последний урок перед летними каникулами проходит как в тумане. Я могла бы преподавать Вордсворта даже во сне, да и сейчас будто грежу, хоть и не сплю. Я вижу кристальную голубизну бассейна под высокими тонкими соснами, с рифлеными бортиками, сияющего, как пластиковая жемчужина. Девочки были от него в таком восторге. Перед покупкой дома я спрашивала Тома — он ведь бухгалтер, — можем ли мы себе это позволить. Модный район с переизбытком «Старбаксов» и загородных клубов не вписывался в наш стиль. Особенно в мой. Но девочек бассейн обрадовал даже больше того, что у каждой будет собственная комната. Они тогда не придавали значения нашему переезду из развалюхи в университетском квартале в элитную часть города с двухэтажными особняками, гаражами на две машины и зелеными лужайками, утыканными табличками с названиями школьных футбольных команд. На переезд мы решились по нескольким причинам, но вам будет интересно узнать, что не в последнюю очередь мы заботились о большей безопасности.

— Занятия окончены. Не забудьте прислать домашнее задание на мой электронный адрес до двадцать восьмого числа, не позднее пяти часов вечера.

К тому времени, как я желаю всем хорошо отдохнуть летом, большинство студентов уже покинули аудиторию.

Подходя к своему кабинету, я чувствую вибрацию телефона в кармане. Пришло сообщение от Тома: «Ты можешь забрать Джейн? Аэропорт “Хьюстон интерконтинентал”, 16:05, рейс 1093 “Юнайтед”».

Я убираю телефон, включаю компьютер и просматриваю расписание занятий Вашингтонского университета, где учится наша младшая дочь. Нахожу телефонный номер администратора, которого знаю еще со времен аспирантуры, и звоню ему, чтобы уточнить сроки окончания учебного года.

Затем отвечаю Тому эсэмэской: «Может, купить что-нибудь к ужину?»

Через несколько минут приходит короткое: «Нет». Видимо, больше нам с мужем нечего сказать друг другу по поводу слишком раннего возвращения Джейн после первого курса в университете.

Разглядеть ее среди прибывающих не так-то просто: откуда мне знать, в какой цвет она нынче красит волосы. Я стою рядом с транспортером №9, по ленте которого медленно плывут чьи-то сумки и чемоданы, и жду свою дочь. Наконец в толпе пассажиров я вижу ее — высокую девушку с бордово-черными волосами и свисающей на глаза прядью тускло-зеленого цвета, чудом пережившей очередное окрашивание.

— Привет, мам, — говорит она.

— Привет, Джейн.

Ее тяжелая сумка шлепает меня по бедру, когда дочь наклоняется обнять меня. Опустевшая лента багажного транспортера останавливается с легким скрежетом, и мы одновременно оборачиваемся. Я не знаю, как лучше спросить, отчего Джейн вернулась так внезапно.

— Ты опять сменила цвет волос, — замечаю я.

— Ага.

Все, что Джейн говорит и делает, — это вариация на тему хлопка дверью, ставшего ее визитной карточкой еще в средней школе, через пару лет после похищения Джули. В старших классах Джейн добавила в свой репертуар громкую музыку, разноцветные волосы и пирсинг, но привычка хлопать дверью оставалась гвоздем программы. Обычно после этого Том покорно плелся за дочерью вверх по ступенькам, а дальше раздавались ее рыдания и вопли, доходившие до меня в приглушенном виде. Сама я считала, что в такие моменты лучше оставить ее в покое.

— Как перелет?

— Нормально.

И очень долго. Подозреваю, Джейн выбрала Вашингтонский университет именно из-за его удаленности от Хьюстона. В детстве она часто говорила, что хочет поступить в университет, где я преподаю, но ее намерения менялись примерно в то же время, когда начались хлопки дверью. Удивляюсь, как она не настояла на обучении где-нибудь на Аляске, но ей нужен был университет, где вместо семестров четверти, — очень